

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

Выпуск 2 - 2015 апрель — июнь <http://mir-nauki.com/issue-2-2015.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/24KMN215.pdf>

УДК 008:39; 008:351.858

Шахов Вячеслав Александрович

НОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет управления и экономики»

Калининградский институт экономики

Россия, Калининград

Старший научный сотрудник

Кандидат культурологии, доцент

E-mail: shakhov1952@yandex.ru

Гуманистический контекст идентичности рособалтов Калининградского эксклава

Аннотация. В статье исследуются проблемы национально-культурной идентичности рособалтов Калининградского эксклава, как вмещающего социума особой территории Российской Федерации с чертами социокультурного локуса со всеми вытекающими последствиями социального, экономического и геополитического характера.

Ключевые слова: этнокультура; этнические процессы; социокультурная среда; национальная идентичность; диаспора; рособалты.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шахов В.А. Гуманистический контекст идентичности рособалтов Калининградского эксклава // Интернет-журнал «Мир науки» 2015 №2 <http://mir-nauki.com/PDF/24KMN215.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

По международным критериям страна, в которой вмещающая нация составляет более 2/3 населения, считается мононациональной. Это означает, что мононациональна не только Россия в целом, но и изолированный Калининградский эксклав. В глобализированном мире идентичность является фактором нестабильным. Собственно, это наблюдалось и в СССР. Сначала это происходило в пределах Империи, когда значительные группы населения отчуждались от национальной культуры - (управленческие элиты, некоторые национальные общины), социального самовосприятия и практически все слои общества, кроме самых низших страт, - от религии. Затем процесс пошел и вне государственной политики и послужил мощнейшим фактором самоликвидации Империи.

Единство нации подразумевает налаживание тесной связи между этническими и политическими группами. По мере развития государства, усложнения государственных потребностей, растет дифференциация социальных функций. Внутри единого целого возникает ряд миров, где царит своя, неповторимая атмосфера, то есть имеются свои нормы, интересы, обычаи, идеи и настроения. Процесс объединения, в результате которого образовалось единое государство, уравнивается разделением общества на этносы, классы, слои, профессиональные группы. В отличие от профессиональных групп, которые никогда не жили и не смогут жить сами по себе, ибо являются частями целого, элементами структуры, этнические группы в принципе имеют возможность обрести независимость или изменить суверена.

Этническая идентичность - осознание своего тождества с определенной этнической общностью. Она может быть личностной (причем позитивной или негативной - когда человек неудовлетворен принадлежностью к данному этносу) и групповой. Психологи полагают, что принадлежность к этнической группе - продукт социализации. Людям свойственно сохранять или восстанавливать свою этническую идентичность, высокую оценку своего этноса - в этом случае возникает ощущение психологической безопасности и стабильности. При этом отрицательное отношение к своей группе ведет к фрустрации, которая выливается в агрессивность. Представления об этнических группах острее всего формируются у представителей нацменьшинств, тем более у ущемленных этнических общин.

В настоящий момент население эксклавного региона юго-восточной Балтии не только не автохтонно, но в значительной части мигрировало в область в последние десятилетия. Жители области многообразны по социальному и этническому составу, причем во многом лишены такого важнейшего основания культуры как живая традиция. В аксиологическом аспекте они не имеют устойчивой самоидентификации. Для члена группы поддержание устойчивой стереотипности национального или социального поведения, в котором, пусть схематизировано, упрощенно или эмоционально, отражаются традиции, взгляды, убеждения, ценности - есть часть его социальной функции, отражает его специфичность, непохожесть. Основы его миропонимания зиждется на комплексе знаний о ценностях своей группы и их отличий от других групп - пусть не с позиций абсолютизации традиций группы, но хотя бы для осознания тождественности. Этнические доминанты негласно существуют во всех областях жизнедеятельности и в каждую отдельную эпоху воспринимаются этносом как естественные и единственно возможные. Стандарты поведения коррелируются с реальной стратификацией общества, реагируют на демографические, политические и даже технологические факторы. Разумеется, на традиционном поведении сказываются цивилизационные процессы, унифицирующие поведение и ментальность различных групп.

Само по себе культурное многообразие не является источником конфликта, но оно служит исходной питающей почвой преднамеренных деструктивных действий этнической, политической или экономической элиты и "внесистемных активистов", таких как общество "Память". При этом объективно национальные конфликты являются следствием недостаточной

информированности акторов или злонамеренности и некомпетентность элиты. Идеология национализма в России имеет чрезвычайно широкий спектр, включая утонченные элитные концепции. Тем ни менее, любые ее негативные проявления занимают в российском обществе маргинальное положение [10].

Система межнациональных отношений очень динамична, потенциально конфликтна, и весьма легко может быть использована в конфронтационных целях. Для регулирования межэтнических отношений необходима определенная организованность общины ее подготовленность к деятельности и положительная коммуникативность, как на интеллектуальном, так и на эмоциональном уровне. Фрустрированные этнические желания извне не гасятся, а только загоняются вовнутрь и могут взрывным образом высвободиться, что может привести к взрывным конфликтам.

Классические определение нации, например, Милля или Ренана, формулируют ее как результат свободного выбора людей, желающих жить вместе под своим правлением в силу свободного выбора и определенных исторических обстоятельств, а также ряда индивидуальных в каждом отдельном случае факторов, ни один из которых не является ни обязательным, ни определяющим. При этом исследователи с христианской ментальностью, как ортодоксальной и католической, так и с протестантской, - Соловьев, Мадзини, Масарик - сошлись в заданности процесса формирования нации как воплощение Божественного Плана (протестантское - *воли Проведения*).

Равно антиисторичны, антигуманны и тезис “одна нация - одно государство” (Гердер), и “нация - лояльность единому сюзерену” (Руссо). Как ксенофобия, так и ксеномания являются примитивными формами, присущими малокультурной среде. Узкий антигуманный национализм начинается с требования публичности культуры лишь одной национальности, когда культура и язык нацменьшинств приобретают характер семейный. Совершенно неубедительна концепция, что в России, подобно США, создается единая “гражданская нация” на основе русской культуры и ментальности. Ведь при этом культура иных наций приравнивается лишь к персональной идентичности, а это путь к практике насильственной ассимиляции. Но либеральное отношение к национальной идее как к второстепенной - сформулированный Миллем принцип, что “*величие нации зависит лишь от промышленности, воспитания, морали и хорошего управления страной*” - остается справедливым в лучшем случае лишь в отдаленной перспективе.

Главным предметом настоящего исследования являются жители калининградского анклава восточнославянского происхождения и абсорбированные ими национальные общины. Это приблизительно 70% населения области, в остальные 30% входят литовцы, семьи мусульманской культуры и представители малых диаспор.

Представительность этих данных сомнительна. К жителям области не вполне применимо понятие *паспортная национальность* – мигранты, в отсутствие традиционных многопокаленных семей, вступали в браки без учета национальных предрассудков, среди переселенцев приезжало много смешанных семей, а дети от смешанных браков регистрировались главным образом как русские. Приходится признать, что межнациональные отношения в современной России складываются не столь благоприятно, что бы люди могли объективно называть свои этнографические данные вне района компактного проживания своего этноса. Внутриславянская дифференциация в документах все годы сознательно искажалась. Поляков в советское время административными методами заставляли именоваться украинцами или белорусами. Мигранты мусульманской культуры в массовом порядке живут на полукатакомбном положении или работают практически вахтовым методом, нелегально, выезжая по окончании установленных законом сроков пребывания в страны-метрополии или в северокавказские республики России.

Все годы пребывания в составе СССР и России в регионе происходит формирование подэтнуса, который по аналогии с общепринятым именованием подэтнуса старожильческих русских стран Балтии – русобалтами, - во многом этнокультурно близкими к жителям Калининградской области, я предложил называть *рособалтами*[13]. Рособалты - это субэмигранты, сочетающие российский менталитет и русский патриотизм с взаимодействием с культурами окружающих народов. Они обостренно чувствуют культурные ценности своего народа ввиду оторванности от территории России, но без ностальгии, так как живут в пределах Российской государственности.

На протяжении всей истории приобретаемые Россией территории становились ее продолжением. Россия никогда сознательно не применяла ассимиляционные технологии, подобные тем, что использовали в колониях Англия и Франция, за исключением кратковременной аннексии китайских территорий - Порт-Артура, Манчжурии и др. - в период наибольшего ослабления Поднебесной. Инкорпорируемые на периферии регионы расширяли целостный массив российской территории. Н.Я. Данилевский утверждал, что направляющиеся из центра страны колонизационные потоки, как правило, «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый нераздельный круг ее» [2]. Включение регионов в унитарную систему России всегда происходило с учетом и сохранением особенностей вхождения, культурных и политических различий присоединяемых земель – см. [3]. Мигрировавшие на новые имперские земли русские переселенцы, будучи оторванными от привычной социокультурной среды, обостренно ощущают свою *русскость*.

В результате история русской колонизации (впоследствии продолженная и в советское время) не привела к абсорбции колонизируемых пространств и, за редчайшим исключением, не знала не только геноцида, но и массовых кровавых акций. Последствием такой тактики было то, что оптированные народы, даже не имевшие государственности, после обретения более высокого культурного уровня в составе Империи, стали стремиться к государственной независимости – именно аккорды этого глобального процесса прозвучали в дни распада СССР. Одним из следствий этого был развал Империи и последующий *парад суверенитетов* 80 - 90-х годов. Тоталитарные акции послевоенного времени носили не колонизационный, а военно-стратегический характер. Независимость народы вассальных государств получали от Российской империи без сохранения экономического диктата от бывшей метрополии, будь то в 1917 или в 1991 годах – тенденция, не имеющая прецедента в мировой истории.

Межэтнические конфликты были нехарактерны, хотя поселенцы воспринимали местное население или как нечто безличное, принадлежащее данной территории (среднеазиаты), или вообще не заслуживающее внимания (жители Северо-Западных губерний). Причем все межнациональные конфликты воспринимались как ошибки своей национальной политики, которая являлась «интериевизацией», приручением населения абсорбируемых территорий – т.е. аборигены не воспринимались как субъекты политики. При этом на человеческом уровне не было желания абсорбировать инокультурные народы – между соседствующими этносами обычно складывались прекрасные взаимоотношения, вплоть до смешанных браков, но слияния русских с автохтонами, как правило, не происходило. Исследователей издавна поражала традиционная нечувствительность русских к национальным проблемам и их вполне искреннее неумение воспринять национальное неудовольствие титульного населения всерьез [5]. Любое место, где живут русские, они воспринимают как территорию России – в этом заключается психологический механизм русской колонизации. Государство для русских само по себе является этнической константой и культурной ценностной доминантой. Правда, в XIX веке некоторое время декларировалось, что российское правительство должно стремиться ассимилировать туземное население в русскую культуру, им чуждую, но с которой они в силу исторических обстоятельств должны примириться и сжиться навсегда. Это не означало реально ассимиляции, но только симбиоз – даже целью сближения русских учащихся с туземными

детьми в совместных школах, отмечали аналитики, имело целью дать возможность будущей национальной элите скорее овладеть русским языком, а русским ученикам так же сблизиться с инородцами и привыкнуть смотреть на них без предрассудков; те и другие при этом забывают племенную рознь и перестают не доверять друг другу [7].

Российская Империя отличалась от европейских колониальных держав тем, что все народы в ней были юридически равны. Ни один народ не понес материальных или духовных утрат после включения его в Империю, наоборот, только в ее составе многие могли сохраниться и дозреть до более высоких уровней самосознания. В отличие от западноевропейцев, русские не ставили своей целью колониальную эксплуатацию инкорпорированных народов, хотя и не провозглашали, как позже СССР, тотальный интернационализм. Тем более не было системной ассимиляции, что даже сейчас характерно для США, космополитического “плавильного котла”. Российская колонизация в соответствии с нормами русской культуры - это не столько *приращение имперской территории*, сколько создание совершенно *новых региональных «миров»* и перспективных *геополитических проектов*. Механизм цивилизационного «синтеза» в России обеспечил особую целостность ее как государственного и социокультурного образования. При этом региональная поливариантность обеспечивала длительную устойчивость российской державы.

Межэтнические конфликты при этом были нехарактерны - реально, исключением являлись лишь мусульманские народы Кавказа - и истолковывались как ошибки собственной национальной политики, а не резистенция населения абсорбируемых территорий. Как в теории, так и на практике государственного строительства, россияне предпочитали взаимовыгодное сосуществование равноправных народов на основе уважения общих нравственных ценностей. Логика российских реформ, начиная со Столыпина, неизбежно вела к представлению инокультурным частям Империи все большей автономии - по примеру Финляндии. В первую очередь это предполагалось сделать в католических регионах - в Северо-Западных губерниях и в Царстве Польском. Первые предложения по особым правовым условиям в приграничных с Польшей районах России, в первую очередь - по созданию системы культурно-просветительских и административно-правовых мер, оптимизирующих национальные и социальные отношения регионе, выдвинул М.В. Ломоносов в 1761 г. в трактате «О сохранении и размножении Российского народа». Собственно, это отвечает классическим принципам гуманизма - еще Геродот не разделял народы на большие и малые, и не считал греческую культуру априорно выше варварской. Стихийно на окраинах государства существовал именно такой тип колонизации. При этом в ходе нормального культурно-исторического процесса демогенеза в каждой историко-культурной зоне формируются органически присущие данному региону патриотические мотивы. В СССР эта разумная политика была доведена до пагубного для государства формально неограниченного федерализма, приведшего к развалу страны [14].

Для возникновения стабильности гетерокультурного общества в условиях единой цивилизационной культуры Европы нашего времени, на регион необходимо спроецировать культуру предшествующих слоев жителей Восточной Пруссии, создав ощущение единой истории и культуры континиума, с общими традициями и, возможно, даже общими противниками в виде персонифицированных конфронтационных сил - антихристианских, милитаристских, фашистских.

Русское освоение аннексированной после II Мировой Войны территории изначально строго регулировалось государством. Регион и ныне сохраняет свою зависимость от поступления ресурсов из метрополии. Значительная часть калининградцев до сих пор имеет внеэтническое самосознание “советского человека” с малопредсказуемым ныне вектором эволюции - мировосприятия, превалировавшего в регионе среди русского населения в позднем советском обществе. Вектор эволюции этого *modus vivendi* ныне малопредсказуем, ибо

очевидно, что проимперские настроения после событий 90-х годов у жителей области не могут быть ярко выражены.

Население области, как во время жизни в СССР, так и в новой России, гордится своей особостью, даже если глубоко и не вникает в природу своих отличий от остальных россиян. Любопытно, что степень национальной самоидентификации у рособалтов и русских диаспоры прибалтийских стран в России еще по состоянию на 1986 год была очень высока и по нашим наблюдениям продолжает быть таковой и ныне [1].

Благополучие и дальнейшая судьба Балтийского региона по-прежнему опирается на сбалансированную этнокультурную политику. Нарастание националистических тенденций в соседних Польше и странах Балтии подчеркивает необходимость внимательного и бережного отношения в эксклаве к этнокультурным процессам. Патриотизм не предполагает навязывания ни социальной, ни культурной, ни этнической гомогенности. Чтобы выдержать конкуренцию в глобальном мире, дабы избежать унификации, в опоре на общие элементы культуры, истории, общие социальные задачи подавляющего большинства населения субкультурного локуса, надо найти методы локализации своей самобытности [11].

Регион как часть социокультурной системы России обладает рядом специфических признаков. Хотя внешние формы освоения территории были весьма разнообразны, регион имеет высокую степень устойчивости и стабильности и соответствует текущим особенностям социально-культурной системы. Но распад Советского Союза породил тенденцию перерастания чисто культурных проблем, тем более этнокультурных, в политическое противостояние. Эти пагубные процессы стали не только следствием использования для деструкции СССР ксенофобных политтехнологий, но в значительной части являются последствием эпохи тоталитаризма. Именно культурные проекты могут и должны обеспечить как минимум межнациональную амбивалентность, более того - лояльность как принцип системы всех политических и культурных связей.

Особая роль колонизации как фактора культурного регионализма в России исторически и географически закономерна. Русский этнос духовно скрепил Российскую империю, являясь живым и убежденным проводником общей веры в целостность и неделимость своего отечества. Культурная динамика регионов тесно связана с процессами модернизации и экономической специализации. Российское социокультурное пространство обеспечило связь двух культурных моделей – Запада и Востока. Геокультурные поля ее разнородных регионов смягчали эти переходы, облегчали межкультурный диалог, улучшали культурный обмен, снимали конфликтные аспекты.

В российском эксклаве создалась уникальная этнокультурная общность. У ее истоков находится общность балто-славянской языческой цивилизации, причем ряд элементов ее до сих пор не полностью вышел из культурного оборота наших народов, пребывая не только в народном фольклоре, но и в элементах живых обычаев, особенно в приметах, суевериях и в народном искусстве. Каждая нация и народность, проживавшие на этой земле оставляли после себя свой пласт культуры, свои, только им присущие элементы культуры, которые и содержат в себе духовный опыт народа, его неповторимость. Генезис населения области определяет его социальные и квалификационные характеристики.

Современные этнические процессы в области крайне сложны. Компенсационное снижение смертности пятидесятых годов области не коснулось - ввиду преимущественно молодого населения и довлеющего влияния показателей брутто-миграции. Также не ощущалось увеличение рождаемости у когорты женщин 50-х годов рождения, ибо область всегда имела некоторый дефицит женщин. В области прирост численности русского населения в последнюю треть XX века несколько выше среднего по России за счет конверсации русскими

других восточнославянских народов, а также представителей дисперсных народов. Как известно, в России в 1993 году коэффициент смертности превысил коэффициент рождаемости (14,3% против 9,0%), что свидетельствовало о начале депопуляции. По области такие данные получить трудно из-за высокой интенсивности миграционных процессов. Тем ни менее, начавшийся с конца 80-х годов из-за тяжелых экономических условий спад рождаемости здесь качественно еще более заметен, чем в Большой России, что выражается не в абсолютной численности русского населения, но в постоянном снижении доли русских в общей численности населения области. Долгосрочный прогноз, несмотря на улучшение экономической конъюнктуры в стране, не предполагает, без принципиального изменения структурных факторов, достижение в ближайшие годы рождаемости среди русского населения даже на уровне простого воспроизводства. Демографический кризис связан с неравновесными изменениями экономики при полном забвении социальных гарантий, увеличением экономической нагрузки на работающие слои населения, разрушении системы здравоохранения. Несколько выше естественный прирост у католиков-литовцев, в основном рост происходит за счет повышения рождаемости у мусульманских народов. Но основная девиация численности населения в области происходит за счет миграции беженцев из горячих точек бывшего СССР и бедствующих новых государств ближнего зарубежья. С 90-х годов наблюдается снижение совокупной трудовой активности населения - с 94% в 1985 г. до 83% в 1993 г. Маргинализируются беженцы, неработающие женщины, дети из неблагополучных семей – область не может вместить мигрантов и социально-уязвимые слои населения. Отсюда усиление межнациональной напряженности. Только 20% призывников соответствует медико-психологическим показателям [8, С. 199.].

Это требует особого внимания к условиям этнокультурного просвещения в российском эксклаве. По определению В. Набокова, пережившего трагедию миграции, мигрант прибывает в состоянии двойной ностальгии: по чужбине на родине, и по родине на чужбине, т.е. с одной стороны он стремится насадить на новой почве свои прежние корни, с другой - он поглощается культурой региона пребывания. Жители эксклава, несмотря на жизнь вне основной территории России, являются ее гражданами, все же находятся в весьма близком психологическом состоянии к представителям диаспоры, хоть переживают его значительно мягче, без глубины истинного конфликта. Именно сочетание европейской и русской культур способно дать возможность субкультурному локусу приобрести свое лицо, закрепив особое место в мировом сообществе, место окна в Россию для Европы и, в свою очередь, окна в Европу для России, стать ареной для презентации русской культуры для Запада и западноевропейской для России. Это не маниловское благопожелание, а насущная необходимость в развитии региона, иначе в нем неизбежна деградация и массовая маргинальность или утрата российского статуса [1]. При этом культура является не только институцией общественного сознания, но и целостной системой ценностей, сохраняющих идентичность нации и единство Российского государства, влияющих на все сферы его жизнедеятельности.

Становление постсоветского общества сопровождалось культурной примитивизацией и привело к девиации по механизму минимализации как исходной русской культуры, так и в части заимствованных фрагментов, что в связано с гипертрофированным пиететом перед американско-западноевропейскими экономическими и политическими стандартами [9]. При этом стремление достичь «западного уровня» приводит к минимизации веса как этнических, так и цивилизационных достижений своего народа, т.е. приводит к маргинализации общества. Русское население региона не обладает иммунитетом от сверхкритической массы инокультурных заимствований, объем которых и ныне весьма значителен. Данные социологов, кроме того, позволяют утверждать, что в осознанной социумом субкультурного локуса плоскости, существует тенденция усиления самоидентификации русских жителей Южной Балтии в качестве *европейцев*, космополитизм [12].

Несмотря на социальную и экономическую нестабильность жизни в Калининградской области, миграционный баланс в ней в целом положителен. При этом миграционная активность относится главным образом к выезду русского населения из нестабильных регионов бывшего СССР, эмиграция из стран Балтии наблюдается главным образом в результате воссоединения семей и выезда пенсионеров силовых структур, которые не чувствуют себя гарантированными от эксцессов в странах пребывания. Для жителей стран Балтии, которые сравнивают благосостояние жителей объединенной Европы с социальными результатами последнего десятилетия в России, особо очевиден характерный для метрополии рост безработицы и преступности, болезней и самоубийств, развал экономики, крайняя экономическая стратификация населения, упадок духовности, разрушение социальной и культурной сфер, причем в Калининградской области это проявляется особенно очевидно.

Теория целенаправленной миграции как метод оптимизации экономических потребностей и производственного потенциала регионов была впервые разработана Конфуцием (551 - 479 г.г.). Акции общественно-организованной миграции были предприняты и в ходе греческой колонизации Средиземноморья и Причерноморья, начиная с VIII в. до н.э. Активная миграция, как демографическая политика страны, впервые практиковалась Гаем Юлием Цезарем. Механизмы миграционного регулирования численности и структуры населения с социалистических позиций для оптимизации демографических процессов были описаны св. Томасом Мором в “Утопии” (1516 г.).

Этот опыт в нашей стране воспринят не был. Несмотря на недостаточный приток в область квалифицированных специалистов русской культуры и значительное число готовых к миграции русскоязычных людей в соседних странах Балтии, отвечающих всем требованиям области, как с профессиональных, так и с социально-политических позиций, ничего для их привлечения в регион не делается. Если ранее это было затруднено более высоким экономическим положением в странах Балтии, то ныне средний человек в нашей области более обеспечен, чем прибалт, национальная дискриминация там только возрастает. Формально законодателями России приняты национальные программы по возвращению на родину русской диаспоры, но динамика этих шагов слабая и миграция русобалтов в основном направлена в страны Западной Европы. В результате, специалисты из диаспоры с высшим образованием и учеными степенями, имеющие опыт работы в рыночных условиях и реальные связи на фирмах Западной Европы предпочтительно выезжают на Запад, причем они имеют опыт жизни в иноязычном окружении, что снижает лингвистический барьер. Стимул для возвращения в Большую Россию, кроме нефтегазовых компаний и вовсе невелик ввиду низкого социального статуса и обнищания людей интеллектуального труда в России (по состоянию на 2009 г. у трети материальное положение за годы реформ ухудшилось, у имеющих степени - более чем у половины, и только 22% инженеров и 14% гуманитариев отметили улучшение своего материального положения). Перед описанием этнографических особенностей жителей Калининградской области восточнославянского происхождения, сделаем их классификацию по отдельным странам. В аксиологическом аспекте население Калининградской области восточнославянского происхождения не имеет устойчивой самоидентификации, не определилось в ментальностных предпочтениях и в этнографическом отношении может классифицироваться в зависимости от генезиса.

Наибольшую глубину непрерывной истории на земле юго-восточной Балтии имеет малочисленная, но принципиально важная страта, подэтнос великороссов – *староверы* или, более точно, - *старообрядцы*. Это потомки православных диссидентов времен религиозных преследований в России, адепты Древлеправославной Церкви, мигрировавшие в область из соседней Литвы и Польши. Первые волны миграции старообрядцев на территорию Восточной Пруссии были еще во времена немецкого суверенитета над нею. Старообрядцы, живущие в эксклаве, в основном относятся к относительно умеренному Поморскому Соглашению

(беспоповцы, брачники), сохраняют с Екатерининского времени этнокультурную целостность, существенно отличаются от великороссов ментальностью, этнокультурой, испытывают выраженную неприязнь к Русской Православной Церкви. Старообрядцы практически идентичны той же этнической подгруппе, проживающей в Литве, и считают себя частью этого подэтноса. Они до сих пор в этнокультурном плане отчуждены от остального славянского населения региона, имеют от него значительные лингвистические отличия (речь грамматически более правильная, богаче словарный запас, заметны элементы архаики, не очень выраженное северорусское произношение) [15]. Определить численность страты ввиду ее замкнутости практически невозможно. Углубленный анализ этой страты увел бы нас от основной тематики. Важно отметить, что догматическое неприятие ими католиков, «крыжаков», не мешает установлению корректных добрососедских отношений, как с литовцами, так и с поляками. Конфликты не только на межобщинном, но и на бытовом уровне неизвестны с момента миграции старообрядцев на литовско-польские земли. Наблюдаемые после распада СССР не очень значительные карьерные успехи представителей этой страты более связаны с социальными аспектами их ментальности. В советское время старообрядцы не стремились к публичной этнической идентификации, тем более уклонялись от участия в политической жизни. В целом, страта и в наши дни предпочитает не карьерные успехи, а преуспевание в коммерческой деятельности, главным образом, в мелком и среднем бизнесе. Тем ни менее, они часто занимают средние и высшие ступени карьерной лестницы, чему способствуют общинные связи с единоверцами в основной России, Польше, задунайских странах и в Германии.

С этнографических позиций именно старожильческое русское население Калининградской области – рособалты - имеет особые черты, выделяющие их в подэтнос. По самому общему описанию, рособалты все же не слишком отличны от одного из самых ранних этнографических определений великороссов в целом, данному в “Записках о Московитских делах” 3. Герберштейном (1549 г.): *«Русскими называются все народы, говорящие по-славянски и исповедующие христианскую веру по обряду греческому; они так размножились, что вытеснили все жившие между ними чужие племена или распространили между ними свои обычаи»*. Существенное изменение, произошедшее за четыре с половиной века – ныне Православие не является определяющим этнокультурным фактором, причем не только в эксклаве, но и в основной массе русского народа. Это нелишний довод о том, что в столь сложной этнокультурной атмосфере проблемы веры являются не столь религиозно-этническим, сколько антропологическим фактором и существует реальная опасность перерождения их в фактор политический.

Отметим, что значительной разницы между восточнославянским населением стран Балтии и жителями области сейчас еще нет, во многом их можно считать единым подэтносом. Существенно, что этнокультурные процессы среди славянского населения в разных регионах Южной Балтии имеют разновекторную динамику, но в целом их девиация, как в российской Балтии, так и в прибалтийских странах, направлена в сторону унификации с великороссами. Скорее всего, в дальнейшем калининградцы сольются в этнографическом плане с великороссами, но особенности рособалтов могут и продолжать нарастать. Но с учетом декларируемой на государственном уровне грядущей миграции в область миллиона человек из Большой России, структурирование калининградцев в подэтнос может прекратиться или пойти в ином, нежели в странах Балтии, направлении. В рамках СССР русские жители всех стран Балтии и Калининградской области находились в постоянной ротации, чему способствовала общность имперских отраслей промышленности в Прибалтике. Впрочем, русские всей юго-восточной Балтии и ныне сохраняют множественные производственные, семейные и личностные связи.

Рособалты практически абсорбировали украинскую, белорусскую, еврейскую, а также польскую и даже армянскую составляющие старожильческого населения. Люди других

славянских национальностей - белорусы, украинцы, отчасти поляки – как правило, не используют свои языки даже в качестве семейных, многие вообще ими активно не владеют. У значительной части рособалтов наблюдается отчетливый новоросский акцент (именуемый в быту еврейским, но без картавости и восхождения мелодии вопросительных интонаций). Отметим, что при этом значительное число рособалтов в разной степени, чащи всего – пассивно, владеют несколькими славянскими языками. Однако наблюдается отчетливое снижение речевой культуры по отношению к великоросской норме, причем в каждой из наблюдаемых социальных страт; при этом девиация возрастает с ростом социального статуса группы. Областные говоры сохраняются как вид просторечья, даже во втором поколении, сквернословие без эмоционально-смысловой нагрузки имеет массовый характер, в том числе среди женщин и маленьких детей.

Русские на берегах Балтии к моменту распада СССР в значительной мере утратили значительную часть собственно русской культуры, как минимум – этнокультуры и практически никакой культуры, кроме советской, не имели. Процесс утраты мигрантами русской культуры шел с первых же лет вхождения области. Причиной этого были особенности состава мигрантов, происходящих из различных российских, украинских и белорусских регионов, а также экономической ситуации послевоенного времени, при этом этническая идентичность населения восточнославянского происхождения была драматически ослабленной: во второй половине 80-х годов не более четверти русских могли назвать хотя бы один признак национальной идентификации. Со временем эти процессы усиливались ввиду нарастания оторванности от исторической родины, «корней», на два – три поколения, постоянной жизни в инокультурной среде, специфического жизненного и этнокультурного опыта. Это в определенной мере является глубинной причиной многих нынешних проблем региона, включая экономические.

Страта рособалтов характеризуется обеднением этнокультурных признаков. Радикальность этого процесса характеризует примитивизация у них русского языка, в частности, варваризация словарного запаса, подобная речи русобалтов в соседних странах Балтии. Следует отметить, что, несмотря на энергичную поддержку националистических сил диспергированию славянских диаспор в правительственных структурах метрополий, стремящихся к созданию в России пятых колонн, интерес к этническим определителям у представителей их нерусской составляющей невелик. Даже у значительной по численности украинской общины он носит главным образом ностальгический характер - вечера встреч с национальной кухней, песнями и танцами, общение на языке предков. Уже воскресная школа с преподаванием украинского языка, принятого в метрополии варианта истории Украины, систематических сведений по этнокультуре, практически не вызывает интереса - только как вариант группы продленного дня или бесплатных внешкольных кружков для малообеспеченных родителей. Основная масса украинцев вообще не связана с общиной или пользуется ее помощью лишь для облегчения общения с родиной предков. Естественно, при быстром массовом овладении двумя языками идет процесс радикальной варваризации обоих - на молодежном сленге это зовется *албанизацией* языка. В смешанных семьях истинная билингвистичность, в отличие от смешанных семей в странах Балтии, также редка, хотя детей обычно стараются учить обоим языкам. Национальные языки практически не используют евреи, старожильческие татары и армяне. Сильно деформирован национальный язык в литовских, латышских и цыганских семьях.

Русский язык является важнейшим и первоочередным интегрирующим признаком рособалтов. Оставим за рамками проблемы взаимосвязи языка и этнокультуры, исследование которых начато великим Гумбольдтом, а в России имело трагическое продолжение в трудах Сталина. Напомним лишь, что унификация языка является надежным маркером снижения межэтнических различий (например, полный переход славянских народов в Калининградской

области на русский язык), а варваризация, насыщенность иностранными заимствованиями, также характерные для речи рособалтов, свидетельствует об этнокультурном кризисе.

Поддержание русского языка как *lingua franca* на постсоветском пространстве существенно для улучшения общей геополитической ситуации в Восточной Европе. Уменьшения этой роли - проблема всех бывших империй. Так, при больших затратах на франкофонию, французы тоже не могут преодолеть сужения франкоязычного мира. Особенно это сложно в условиях, когда англофонная экспансия на всем постсоветском пространстве приобретает очень энергичные формы. Установление русско-английского двуязычия характерно для экономики всей юго-восточной Балтии. Но все же русский язык еще сохраняет функции *lingua franca* в странах Балтии, более того, это значение в последние годы стремительно возрастает. Опросы последних трех лет показывают возрождение интереса к русскому языку по экономическим мотивам у средних и, отчасти, высших страт титульных наций. В Литве его избирает для изучения в качестве второго языка уже 79% школьников [данные Ч. Юршенаса - *частное сообщение*].

Поэтому язык - важнейшая часть культуры подэтнуса. Диалектизации великоросского произношения в точном значении термина, как ясно из генезиса населения, в области быть не может. У многих, особенно выходцев из стран Балтии, наблюдается фонезация по новоросскому типу (в быту именуемая *еврейский акцент*, но без картавости и восходящей интонации в вопросительных предложениях).

Для будущего всех стран региона необходимо, чтобы молодое поколение калининградцев продолжало оставаться полноценными носителями языка. Напомним, что варваризация, насыщенность иностранными заимствованиями - одно из свидетельств этнокультурного кризиса. Не будем говорить о современных сдвигах цивилизационной и этнической культуры, отметим лишь, что они не обязательно вызовут тотальные отрицательные последствия - подтверждение этому девиация русской культуры в дни деяний Петра Великого. Ныне значение русского языка в естественнонаучной и особенно в технической литературе неуклонно падает, ибо ее ценность определяется более всего соответствием мировому научному и экономическому уровню, что при системном кризисе российской науки уже весьма проблематично. Да и тиражи и номенклатура русских технических и естественнонаучных изданий после 90-х годов стали ничтожными, не говоря уже об их качестве.

Для противодействия сохранению влияния русского языка национал-радикалы в постсоветских государствах применяют весьма изощренные технологии. В частности, власти соседней Литвы используют несовпадение паспортной национальности и этнической ментальности русскоговорящего населения. Содержащиеся в статистике сведения о десятках тысяч украинцев в странах Балтии - явная дезинформация, ибо большинство русобалтов сохранили лишь незначительные элементы малоросской этнокультуры, владеют языком предков пассивно, причем в основном только русско-украинским диалектом. Тем ни менее, почти вся славяноязычная реклама на русских телеканалах, транслируемых в этих странах, идет на украинском языке - как известно, это ведет к утрате русского литературного языка. Особенности украинской орфографии относительно русской существенно мешают овладению школьниками грамотным правописанием - эффект, давно известный в школах Новороссии, где подобная языковая ситуация была еще в советское время. Напомним, что литовские каналы непосредственно принимаются в приграничных районах Калининградской области.

Не развивая более этой необъятной темы, выскажем лишь мнение, что сохранение языка должно превратить регион в плацдарм приобщения к родному языку соотечественников - русской диаспоры, которая должна иметь возможность систематического общения с носителями культуры. Только в этом случае она станет проводником не только русской

культуры, но и российских интересов в странах пребывания, что откроет возможности интенсификации производственных и гуманитарных контактов со всей Европой. Ведь языковой вопрос даже на территории бывшего СССР стал проблемой титульных нации, наций немногочисленных и зачастую принадлежащих к уникальным языковым группам, которые утрачивают ранее достигнутый полный билингвизм, а это снижает их экономический потенциал. Переход на англо-германское двуязычие разорвет не только русское экономическое, но и культурное пространство, и этот процесс, скорее всего, станет необратимым. Напомню, пусть это и триумф, что одним из основных богатств, привнесенных в русскую культуру за советский период, стал произведенный огромный массив вербальных ценностей русской цивилизации. Переводы мировой литературы, аутентичные оригиналам, на русский язык появились благодаря деятельности переводчиков такого класса, которые вне тоталитарных режимов просто не занимаются этим видом деятельности. Переводы на языки народов СССР носили, как правило, идеологическую заданность или учебный характер, ибо очевидна бессмысленность перевода с общедоступного языка. Переводы русской поэзии в большей степени были отражением творческих проблем национальных авторов, искавших пути взаимного проникновения в образный строй нашей поэзии.

Основная масса рособалтов - горожане как минимум в третьем колене. Семьи приезжали без старшего поколения, что нарушало преемственность традиций. Прожив на этой земле пятьдесят послевоенных лет с относительно большой долей изоляции от великороссов, они положили основу самостоятельной этнической общности, подобной русской диаспоре стран Балтии или Кавказа. Однако, несопоставимо лучшее экономическое положение в Прибалтийских республиках СССР при почти идентичной структуре экономики, вызывало активную вторичную миграцию туда наиболее квалифицированных или пассионарных калининградцев, охватывающую до трети семей. Имел место и обратный процесс миграции в область восточных славян из стран Балтии из числа ксенофобно настроенных лиц. Это, вопреки прямолинейному подходу, делало мигрантов более восприимчивыми к инокультурным традициям, разумеется, в первую очередь к культуре балтских народов. Надо сказать, что наиболее вероятно ремиграция русской диаспоры из стран Балтии именно в Калининградскую область, условия жизни в которой наиболее им близки. Ибо ранее, в 60-е годы прошлого века, когда в связи с массовым кооперативным строительством появилась реальная возможность переезда в большие города РСФСР, был неудачный опыт достаточно массовой ремиграции русобалтов из стран Балтии, как правило, в Ленинград (по личной культурной и семейной ориентации). Уже тогда, в условиях единого государства, выяснилось, что даже город, где ремигранты оканчивали ВУЗы, соответственно имели значительное число знакомых и были гарантированно обеспечены работой, любимый город своей юности уже воспринимался ими как абсолютно чуждый, с непривычным и даже враждебным *modus vivendi*. Через десяток лет жизни в Прибалтике Ленинград становился городом чужой культуры.

Образовательный уровень рособалтов достаточно высок – до трети имеет высшее или среднее специальное образование. Техническая интеллигенция относилась в основном к эксплуатационному линейному персоналу, собственные научно-проектные организации ранее обслуживали технологические нужды местной промышленности. Научные и учебные институты, способные вести перспективные исследования и подготовку кадров высшей квалификации были в основном вне пределов области. После разрыва связей в результате системного кризиса 90-х годов это привело к значительным трудностям в функционировании промышленности региона. Впрочем, преодолеть их с переходом на современные информационно-коммуникативные системы оказалось реально.

Более серьезным оказалось то, что советская власть не предпринимала никаких шагов по формированию у рособалтов русской идентичности. Своей гуманитарной интеллигенции, работников культуры и искусства неестественно мало. Гуманитарии не составляют

собственных школ или кружков (как и естественнонаучная интеллигенция) – высшие их слои являются частью соответствующих школ Большой России или прибалтийских сообществ. Очень немногочисленные русские гуманитарии высшей квалификации региональным центром избрали Санкт-Петербургские, в советские годы и Тартуский Университеты. Хуже того – гуманитарные знания, общая культура вообще имеют низкий престиж среди рособалтов. Практически, техническая интеллигенция – это люди, замкнувшиеся на своей производственной деятельности. При этом в силу приведенной общей характеристики экономики, преобладают наименее квалифицированные представители этих страт – техники, инженеры – выпускники второстепенных и заочных ВУЗов. Высшие слои специалистов систематически ремигрировали в республики Балтии, где были значительно лучшие карьерные и бытовые условия. Вторичная миграция вела к систематической минимализации качества населения.

Уровень квалификации рабочих относительно аналогичных предприятий Большой России и в советское время был низок. В результате, пакет заказов калининградских предприятий формируется исходя из существующего фонда специалистов. Например, электроника строящихся и ремонтируемых судов поставляется и монтируется скандинавскими фирмами, фирмы этих же государств занимаются внутренней отделкой интерьера. Низшие социальные группы в значительной степени люмпенизированны, преобладают деграционные тенденции.

Рособалты резко стратифицируются в социальном плане. Часть сумела занять привилегированное положение в местном социуме. Другая часть не смогла адаптироваться к жизни в новых условиях, чему причины не столько в языковых и ментальных проблемах, сколько в предыдущей связи с имперскими формами экономики, аннигилировавшими после распада СССР. По данным центра “Роуминг Мониторинг” за 2000 год, 24% рособалтов хотели бы депортироваться в Большую Россию, еще 37% готовы пойти на это только при определенном уровне социальных и экономических гарантий и лишь 39% – не желают менять место жительства. Надо учесть, что в данные таких исследований изначально заложена систематическая ошибка, аналогичная протестному голосованию. Высказываемое респондентами желание выехать никак не связано с их практическими намерениями. Ими совершенно не изучалась такая возможность, они не имеют реальных сравнительных данных по материальным и бытовым условиям жизни в эксклаве и в метрополии, они не оценивают степень своей востребованности на родине предков, ценность для себя привычного человеческого окружения в странах балтской культуры.

В этнологии важны реакции консервативных групп носителей этнического сознания, в частности, старших возрастных когорт. Ныне в области они существуют с советских лет в почти неизменном состоянии и с надеждой на возвращение к прежним ценностям «по окончании смутного периода». Уже очевидно угасание этих ожиданий, неминуемо наступающее по мере окончательного понимания невозможности возврата Империи, поэтому эти страты утрачивают функцию хранителя социально-значимых ценностей и отходят на периферию этнического сознания, оставаясь рудиментом предыдущей эпохи существования этноса [6]. Реально повторяется ситуация культурного разрыва поколений, характерная для послевоенного времени.

Для рособалтов характерно нигилистическое отношение к государственным институтам – они не считают, что исполнение гражданских обязанностей улучшит их материальное или социальное положение, в принципе не ожидают этого и от политических или юридических структур государства. При этом социологический анализ свидетельствует, что рособалты вполне адекватно воспринимают нормативные модели демократии и ее основные черты, только не обнаруживают демократию в полном объеме в своей повседневной действительности,

прежде всего, в силу экономических реалий и нереализованности провозглашенных политических прав, ибо за государством не ощущают способность выполнять базовые обязанности по обеспечению равенства граждан [4].

Оторванность от исторической родины и культурно-исторических корней сказалась на ментальности – переселенцы перенимали многие элементы культуры старожильского славянского населения региона, евреев и литовцев. Не вызывает сомнения, что абсорбция элементов этнокультуры соседей - положительный процесс, способствующий сближению вмещающей нации и нацменьшинств, межэтническому миру в регионе. Но кондекционные процессы имеют определенный предельный объем, редко достигающий размеры, за которыми следует утрата собственной этнокультуры. Взаимодействие культур, прежде всего, происходит на уровне бытовой культуры, вплоть до перенимания части календарных обычаев и обычаев жизненного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бильчак В.С., Телятников А.М. Калининградская область: федерализм и экономическое развитие анклавного региона// Гуманит. науки. СПб.,1995,1-2,С.73-76.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. 1991, С. 486.
3. История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до конца XVIII века). Составители: Г.Д. Тогошвили и И.Н. Цховребов. Цхинвал, 1962.
4. Карпухин О., Макаревич Э. Формирование масс. Калининград, 2001, с.152.
5. Кауфман А. Переселения и колонизация. СПб., 1905, С.6 – 56.
6. Лебедев О. Спасемся ли? //ж. Грани № 159, 1991, С. 227 - 239.
7. Остроумов Н. К истории народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1891, С. 111.
8. Платонов Ю.П. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб.: Речь, 2002.
9. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 2000.
10. Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности//Вестн. МГУ. Сер. 18,Социология и политология, 2001, №3, С.31-37.
11. Хаванова О.В. Этничность, нация, “любовь к стране“ в Европе раннего нового времени //ж. Политическая наука, 2002, №4, С. 5 - 26.
12. Чабанова А.В. Дифференцированность Калининградского социума//в сб. Калининградский социум в европейском измерении, Калининград, 2002.
13. Шахов В.А. Кто мы? Русские Принеманья или российские балты. Калининград: Янтарный сказ, 2002.
14. Pipes R. Reflection of Nationality Problems in Soviet Union. Cambridge:Mass, 1975, P. 456.
15. Lietuvos sentikiai – Старообрядцы Литвы – Хранители веры. Страницы истории. Zarasai: Utenos Spauda, 2000.

Shakhov Viacheslav Aleksandrovich

Saint-Petersburg University of management and Economics

Kaliningrad Institute of Economics

Russia, Kaliningrad

E-mail: shakhov1952@yandex.ru

The humanistic context of the identity of rosobalty Kaliningrad exclave

Abstract. The article examines the problems of national and cultural identity of rosobalty Kaliningrad exclave as the chief of the society special territory of the Russian Federation with features of the socio-cultural locus with all the consequences of social, economic and geopolitical.

Keywords: ethnic culture; ethnic processes; socio-cultural environment; national identity; diasporas; rosobalty.

REFERENCES

1. Bil'chak V.S., Telyatnikov A.M. Kaliningradskaya oblast': federalizm i ekonomicheskoe razvitie anklavnogo regiona// Gumanit. nauki. SPb.,1995,1-2,S.73-76.
2. Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. M. 1991, S. 486.
3. Istoriya Osetii v dokumentakh i materialakh (s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka). Sostaviteli: G.D. Togoshvili i I.N. Tskhovrebov. Tskhinval, 1962.
4. Karpukhin O., Makarevich E. Formirovanie mass. Kaliningrad, 2001, s.152.
5. Kaufman A. Pereseleniya i kolonizatsiya. SPb., 1905, S.6 – 56.
6. Lebedev O. Spasemsiya li? //zh. Grani № 159, 1991, S. 227 - 239.
7. Ostroumov N. K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae. Tashkent, 1891, S. 111.
8. Platonov Yu.P. Etnicheskiy faktor. Geopolitika i psikhologiya. SPb.: Rech', 2002.
9. Rukavishnikov V., Khalman L., Ester P. Politicheskie kul'tury i sotsial'nye izmeneniya. Mezhdunarodnye sravneniya. M., 2000.
10. Rybakov S.E. Anatomiya etnicheskoy destruktivnosti//Vestn. MGU. Ser. 18,Sotsiologiya i politologiya, 2001, №3, S.31-37.
11. Khavanova O.V. Etnichnost', natsiya, "lyubov' k strane" v Evrope rannego novogo vremeni //zh. Politicheskaya nauka, 2002, №4, S. 5 - 26.
12. Chabanova A.V. Differentsirovannost' Kaliningradskogo sotsiuma//v sb. Kaliningradskiy sotsium v evropeyskom izmerenii, Kaliningrad, 2002.
13. Shakhov V.A. Kto my? Russkie Prineman'ya ili rossiyskie balty. Kaliningrad: Yantarnyy skaz, 2002.
14. Pipes R. Reflection of Nationality Problems in Soviet Union. Cambridge:Mass, 1975, P. 456.
15. Lietuvos sentikiai – Staroobryadtsy Litvy – Khraniteli very. Stranitsy istorii. Zarasai: Utenos Spauda, 2000.